

Анатолий Анатольевич Подшивалов (1957–2021)

*Говорят, что писатели уходят в придуманные ими миры,
но они всегда с нами и живы, пока читают их книги.*

Пролог

Пожилой инженер-математик попадает в тело юного юриста-неудачника, а на дворе — 1889 год, Москва, Замоскворечье, 2-й Казачий переулок. Взяв, как бывший подполковник ВВС, на себя лидерскую роль, с чем, безусловно, согласился реципиент, он решает изменить историю России к лучшему. С этой целью вместе с мужем тетушки — аптекарем и химиком-любителем Генрихом Циммером, главный герой изобретает несколько анилиновых красителей и попутно получает уже синтезированный тридцать лет назад в Германии тринитротолуол, который при соответствующем подрыве может быть сильной и в то же время безопасной при хранении взрывчаткой. Также изобретатели подходят вплотную к синтезу сульфаниламида, известного как стрептоцид, но на пятьдесят лет раньше, чем тот был внедрен в клиническую практику. Успехи отечественных химиков привлекли внимание немецкого агента, который пытался завербовать Генриха Циммера, немца по национальности, и, потерпев при этом неудачу, уничтожил лабораторию, подорвав ее.

Генрих погиб, а герой повествования обгорел, пытаясь вытащить дядю из огня, и с сильными ожогами был госпитализирован, однако через некоторое время поправился, хотя следы ожогов, естественно, остались. В ходе расследования взрыва герой знакомится с жандармским ротмистром Агеевым, который находит виновного. Ознакомившись с материалами лаборатории, Агеев помогает организовать испытания тринитротолуола, получившего сокращенное название ТНТ (ТриНитроТолуол) в Михайловской артиллерийской академии, однако они получают неблагоприятный отзыв — вещество не удастся подорвать. Изобретатель уезжает в Санкт-Петербург, там знакомится с известным химиком-артиллеристом штабс-капитаном Панпушко и добивается хороших результатов использования ТНТ в артиллерийских снарядах и ручных гранатах (совместная разработка изобретателя и Панпушко). Попутно наш герой через Дмитрия Ивановича Менделеева добивается испытания своего сульфаниламида (вещество СЦ, что означает Степанов–Циммер) в Военно-медицинской академии, но, несмотря на прекрасные результаты, полученные в клинике профессора Субботина, члены ученого совета «заклевали» изобретателя: какой-то молодой выскочка-юрист будет учить их, маститых профессоров, как лечить больных. Жили без этого СЦ и еще проживем... Трагикомически заканчи-

ваются и испытания ТНТ в гранатах (ручных бомбах Степанова–Панпушко). Непроинструктированный офицер по приказу генерала, введенного в заблуждение кажущейся легкостью обращения с новым оружием, забросил взведенную гранату прямо под ноги генералам, и наш герой в последний момент, оттолкнув в грязь заместителя генерал-фельдцейхмейстера, ухитряется столкнуть гранату в яму и предотвратить катастрофу. Вымазанный в грязи генерал, не поняв, что ему только что спасли жизнь, устраивает скандал, и испытания проваливаются. Агеев, ставший полковником и начальником вновь созданного разведывательного отдела при Главном Штабе, уговаривает изобретателя занять пост его заместителя по техническим вопросам. Изобретатель едет в Москву, к деду, заручиться его согласием, поскольку уже запустил производство СЦ и ТНТ на его заводе.

Глава 1

ДЕЛА МОСКОВСКИЕ И ПИТЕРСКИЕ

Сегодня мы с дедом решили навестить Лизу и пойти все вместе на могилу Генриха — годовщина как-никак... Лиза к нам вышла, но глаза у нее были красные, заплаканные. Выяснилось, что ей не разрешили пойти с нами на кладбище, мол, какой-такой муж, скоро будешь «Христовой невестой», пора кончать с прошлой земной

жизнью и подготовиться к новой, праведной, под другим именем. Дед аж в лице переменялся и покраснел — где это видано, чтобы жену на могилу мужа в годовщину его смерти не пустили? Я побыстрее его увел, и мы пошли на могилу. Лиза успела поставить Генриху скромный памятник из темного гранита — только имя и годы жизни, ничего лишнего. Случившийся рядом слугитель смел снег с памятника и скамеечки и, получив монетку, удалился восвояси. Мы не стали садиться, а постояли и помолчали, помянув Генриха. Потом зашли в старую церковь (дед посещал только старые храмы, построенные еще до реформы Никона). Людей почти не было, дед перекрестился двумя перстами, я — традиционно, потом мы про себя, беззвучно, помолились, поставили свечки за упокой души и вышли. По дороге домой дед сказал, что не нравится ему эта обитель, жадная тут настоятельница, торопит Лизу с постригом, чтобы прибрать к рукам дом и аптеку. Я согласился, у меня сложилось такое же впечатление: не будет Лизе здесь мира и успокоения, страдает она.

Потом я поехал в Первую Градскую, куда меня привезли ровно год назад, нашел Леонтия Матвеевича и вручил ему чуть меньше фунта сульфаниламида (дед попросил горсть оставить, чтобы сравнить с тем, что получится у него на заводе).

Доктор был рад меня увидеть, спросил про здоровье деда, похвалил мой внешний вид

(я сказал, что следую всем его советам). Потом я рассказал про испытания в Военно-медицинской академии, про свой провал, естественно, говорить не стал, рассказал, кто синтезировал и как проводились исследования на больных у профессора Субботина. Оказывается, Леонтий Матвеевич его знает, то есть, конечно, приятелями они не были, но он слышал выступления Субботина с лекциями в Московском университете, и мой бывший лечащий врач с уважением относился к нему как к специалисту. Я тоже сказал, что его статья в «Вестнике» произвела впечатление в Академии, многие считали, что такого быть не может. Я высказал мнение, что это оттого, что на первой фотографии, плохо переданной при печати в журнале, я выгляжу слишком черным: мы-то знаем, что это от копоти, а коллеги подумали, что это обугливание тканей, пусть даже поверхностного слоя кожи, но ведь тогда это 25 процентов тела в виде ожога IIIA степени¹, а с такими повреждениями в девятнадцатом веке не живут (просто погибают от шока). Я сказал, что в клинике Субботина были получены хорошие

---

¹ Ожог 3-й степени, занимающий 25 процентов поверхности кожи — проблема для медицины и в двадцать первое столетие, со всеми противошоковыми мероприятиями, антибиотиками и стерильными палатами, выживают лишь немногие.

результаты при лечении СЦ довольно обширных ожогов II степени и ограниченных ожогов IIIA вроде тех, что были у меня на дистальных фалангах — на подушечках пальцев. Леонтий Матвеевич с благодарностью принял препарат и обещал проинформировать об опыте применения.

— И поторопитесь со статьей о результатах лечения СЦ, — сказал я на прощанье, — а то питерцы обскочут.

Потом поехал на телеграф, отбил Агееву телеграмму с одним словом «Согласен» и вторую, для Менделеева, в которой сообщал, что буду в Петербурге на следующей неделе и останусь надолго, и что можно отправить мне на адрес «Астории» записку или телефонировать о времени удобной для профессора встречи.

Затем я заехал в ювелирный магазин фирмы «Эдуард», официального поставщика орденов Капитула орденов Империи и выбрал из готовых знаков ордена Святого Станислава 3-й степени орден на пятиугольной колодке с красной ленточкой с белыми окаймляющими полосами, предъявив Императорский Указ и внеся в Капитул 15 рублей. Орден мне понравился, как всякий военный человек¹, я питал опреде-

---

¹ Напомню, что в прошлом наш попаданец был подполковником в военном НИИ, где занимался математическим моделированием (см. 1-ю главу 1-й книги).

ленный пиетет к знакам отличия. Сам орден был в виде красного эмалевого креста с раздваивающимися концами, между перекладинами креста были припаяны ажурные двуглавые орлы, в центре — финифтевый медальон с зеленым венком с наружной стороны. С обратной стороны на медальоне были буквы SS в виде вензеля — я сообразил, что по латыни это означает Святой Станислав, так как орден польский и был включен после присоединения Царства Польского¹ к Империи, вместе с орденами Белого орла и Виртути Милитари (военной доблести), впрочем, последний был среди российских орденов совсем недолго. А вот Станислав прижился и был младшим орденом, который, как правило, получали чиновники за выслугу лет.

Про орден мне напомнил Агеев, так как представляться по начальству мне нужно будет в мундире с наградами. Еще он сказал, что надо привезти метрику со справкой о крещении и диплом об окончании университета, но этим я решил озаботиться после обеда.

Пообедав, я зашел к себе и переоделся в старый сюртук и брюки, надел старые ботинки,

---

¹ В описываемое время — так называемый Привисленский край на месте упраздненного Царства Польского, так было велено именовать после подавления польского восстания, однако в титуле государя осталось «Царь Польский».

почистив их, естественно, и взял темные очки, которыми пользовался в больнице и которые первое время рекомендовал носить доктор на прогулках при ярком солнечном свете. Диоптрий они не имели, и я носил их поверх своих обычных очков. Нарядившись таким образом, я доехал до Второго Казачьего и, не доезжая сотни сажен до матушкиного дома, отпустил извозчика и, сгорбившись, шаркающей походкой отправился в «набег».

Войдя во двор, я обратил внимание, что у каретного сарая двери наглухо закрыты и сена не видно, а поленница дров уж очень хилая. Встретили меня вовсе не Антип с Глашей, а крестьянского вида тетка в низко повязанном платке. На вопрос, дома ли барыня и где прежние слуги, она сказала, что про слуг не знает, съехали, а вот барыня дома. Я велел доложить, что пришел ее младший сын Александр. Скоро тетка вернулась, пригласив меня пройти в дом. Во флигеле было грязновато и везде было запустение, кроме того, было холодно: судя по всему, печь не топили, тем не менее я отдал тетке пальто и, поёживаясь от холода, проследовал на барскую половину. Маменька встретила меня в гостиной, там тоже произошли изменения: в шкафу уже не было гарднеровского сервиза, подозреваю, что не было и столового серебра. Маменька куталась в теплую шаль и натянуто улыбнулась:

— Сашенька, сыночек мой дорогой, тебя уже отпустили из лечебницы? — с деланой заботой пропела она. — Как ты себя чувствуешь?

— Чувствую, конечно, не очень, — ответил я со скорбью в голосе, — но все же лучше, чем было, вижу только плохо... и перчатки приходится носить, а то барышни пугаются, а они (перчатки то есть) быстро снашиваются, а стоят дорого. Что же вы не приходили больше в больницу, я так ждал...

— Да-а, — неопределенно протянула маменька, — что же ты от меня хочешь?

— Я решил на службу поступить, в архив, помощником архивариуса. Вот, пришел за своими документами.

— В архив, это, конечно, хорошо, — протянула маменька.

Но тут из соседней комнаты раздался мужской голос: «Марыся, с кем ты там лясы точишь, поди сюда...» Причем окрик был не брата Ивана, а человека постарше. Я услышал через открытую дверь: «Так это и есть твой пшеклентый байстрюк?»¹ С Иваном не знаю, что делать, еще и этот притащился, гони его в шею». Дальше разговор пошел по-польски, а вскоре маменька вернулась с тонкой пачкой бумаг.

— Вот, Сашенька, — все на месте: метрика, выписка из церковной книги и твой диплом, все

---

¹ Проклятый ублюдок (*польск.*).